

24 января 1984 года

ВСТРЕЧА ДЛЯ ВАС

ЗАВЕРШЕННЫЙ ЗАМЫСЕЛ

В этом году мы будем праздновать 90-летие со дня рождения Александра Довженко. Обширное наследие этого выдающегося советского режиссера и писателя обладает свойством на каждом новом витке истории какой-то своей стороной оказываться особенно современным. «Если пятнадцать лет назад для нас стали вдруг важными эстетические уроки режиссера (под влиянием его поэтики сформировалось целое кинематографическое по-

ление), то сегодня все более актуальными оказываются его философские взгляды, а также нравственные уроки, преподнесенные им, личный человеческий опыт.

С позиций именно такого взгляда на духовное наследие Довженко и задавала я свои вопросы Ивану Семеновичу Козловскому, выдающемуся нашему певцу, много лет близко знавшему Александра Петровича и дружившему с ним.

— Иван Семенович, прошло больше четверти века после смерти Александра Довженко. Имя его сейчас у всех на слуху. Пишутся новые исследования у нас и за рубежом, издаются мемуары, переиздается доженковская проза, звучит имя с трибун. Но... Чем больше я занимаюсь с фильмами и прозой Довженко — особенно с прозой, — тем больше убеждаюсь в некой однобокости бытующих представлений об этом очень непростом художнике.

— ...Современники Довженко в своих мемуарах любят теперь писать о пророческом даре, которым был наделен Александр Петрович. В самом деле, сколько мне известно, он раньше других заговорил вслух об экологических проблемах, о последствиях резкого отлучения людей от земли, задало до нынешней «деревенской прозы» оглянулся на «историю», на традиционную крестьянскую культуру. Волновали его отношения человека с научно-техническим прогрессом — не одни несомненные плюсы, но и неизбежные моральные и эстетические потери. Не соглашался он мириться с издержками поспешной урбанизации, со стандартом и безвкусицей архитектурных решений при массовом строительстве. С редким бесстрашием заговорил в своем творчестве о тех нравственно-психологических проблемах человека на войне, которые наша военная проза осваивает только теперь. В последние годы, как вам хорошо известно, его воображение занимала уже «новая творческая сверхзадача человечества»: освоение космического пространства...

Думаю, что доженковские идеи не были преждевременными. Его мысли, тревоги и сомнения, его мечты, проекты и планы могли вполне послужить «сценарием для жизни», как он выражался, но в силу ряда причин послужили в его время мало, до обидного мало. Если бы к тому, на что он пытался обратить внимание, прислушались более внимательно, некоторых ошибок могло не произойти. Уместно ли в таком случае говорить о пророческом даре? Я бы скорее сказал, что у Александра Петровича был нормальный, если хотите, здоровый — и поэтому правильный взгляд на вещи.

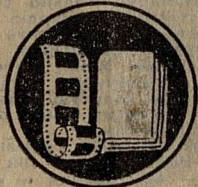
— А как Вы увязываете эту доженковскую нормальность и правильность с тем широко известным обстоятельством, что он любил воспевать искусственные моря, повернутые вспять реки, экспериментально выведенные сорта деревьев и цветов — т. е. фанты грубого вмешательства человека в жизнь природы, посягательства на естественный ход развития?

— В том-то и дело, что «правильность» позволила Довженко не только нащупать все болевые точки современности, но и сохранить редкостную даже «в наш просвещенный век» многосторонность, непредвзятость взгляда на вещи, людей и события. Как всякий серьезный мыслитель и большой писатель, он не боялся противоречий, драматизма, внутренних конфликтов, которыми полна реальная действительность и которые иногда принимали у него форму споров с самим собой. Объясню. Гораздо менее известно, что Довженко не только воспел Каховское море, но и оплакивал гибнущие при этом прекрасные плавни, великий запорожский луг, заставлял своих старух со слезами целовать наличники окон и стены покидаемых хат. Александр Петрович, как никто, знал, что значит страстно любить свою землю, свой сад и огород, свою речку и хату — и душа его страдала вместе с героями. Для него тут обнажалась «драма двух миров, старого и нового, всемирная драма, самый яркий признак истории современного человечества». Но знал он и другое — что скоро человеку и всей-то матушки-земли станет мало, не то, что «рідної хати», — к чему надо быть психологически и нравственно готовыми. Не

забывайте, к тому же, что мышление Александра Петровича формировалось в революционную эпоху. Вера в неограниченные возможности человека, в то, что он сумеет поднять до потребностей своего духа всю реальную природу (в том числе собственную...), была у всего нашего поколения так велика, что хотелось все на земле немедленно переделать, улучшить, мудро и красиво переустроить. Этими грандиозными, дерзкими задачами душа Довженко была захвачена тем сильнее, что у него от природы было мироощущение создателя, творца.

— Какие свойства личности Александра Петровича Вы бы выделили как главные?

— Поэтическое начало и... Если уж чему в самом деле удивляться у Довженко, так это неизменной откровенности, с какой он высказывал свои «преждевременные» взгляды, его глубочайшей искренности, доверию к любой аудитории. Это многих ставило в тупик раньше, ставит и теперь. И всегда найдутся умники, которые расценят это если не как наивность, то как своего рода возвышенную позу. Но тем и велик Дов-

женко, что свои положительные идеалы он реализовывал — и не только в искусстве. Он страстно стремился напрямую влиять на жизнь.

— Вы о его участии в создании МГУ знаете?

— Ничего конкретного. — Вот видите. Хотел бы я когда-либо рассказать эту историю подробно. О том, что он лично посадил сады на «Мосфильме» и Киевской киностудии, достаточно широко известно. Но мало кто знает, что он создал собственный проект реконструкции Крещатика.

— Я слышала, что сейчас, при новой реконструкции Крещатика, его предложения собираются учесть.

— Хорошо бы. Были у него и проекты реконструкции Брест-Литовского проспекта, других улиц и площадей Киева; предлагал он массу умных и светлых идей для оформления Каховской ГЭС, строительства новых поселков, домов культуры... Так что, как видите, был он не только художником, но и практическим деятелем. Кстати, Александр Петрович один из немногих режиссеров, кто уехал на фронт работать военным корреспондентом, а потом создал свои потрясающие кинодокументы о войне. Его глубоко потрясла обрушившаяся на народ беда, и переживал он ее как свою личную трагедию.

Помню эту страшную минуту 23 августа 1943 года, сразу после освобождения Харькова. Мы пошли с ним утром к тому месту, где открыли могилы с погибшими от рук фашистов жителями города. Это было невозможное, нестерпимое зрелище. Обнаженные трупы детей, женщин... Смерд гниющих тел... Невольно захотелось отвернуться. Александр Петрович, не сводивший глаз с этой чудовищной ямы, сурово сказал: «Смотри и не отворачивайся». Это прозвучало как афоризм. Позже он включил подобные слова в дикторский текст к своему документальному фильму «Битва за нашу Советскую Украину».

Вообще, был он человеком какой-то сосредоточенной серьезности, строгости. Отличался огромной выдержкой, не позволял себе лишний раз срывать. Закусит только губы, по своему обыкновению. Смеялся редко, но если уж

смеялся, то по-детски безудержно, буквально задвигаясь смехом... Признаюсь — не люблю, когда в воспоминаниях об известном человеке складывается этакий иконописный лик. Александр Петрович светился совершенством человеческой души. Но он отнюдь не был благостным, удобным человеком, взгляд у него бывал, когда надо, злой и беспощадный — в частности, скажем, на женщину. Не терпел каких-то специфических женских качеств. И в то же время именно ему принадлежит в кино убедительное прочтение женщины в самой ее сути, в замысле ее существа, ее природы и предназначения на земле. У него был высочайший такт, врожденная интеллигентность и то истинное уважение к жизни, к ее достоинству, которое отличает больших художников. Что-то он такое умел делать с людьми... Я обычно не люблю сам для себя петь, как это ни покажется вам странным. Могу месяц не подойти к роялю, если для этого нет рабочего повода. Редко соглашаюсь петь по чьей-либо просьбе. Но для Сашко Довженко... Особенно помню один случай. Было это у меня на даче. Пришел он, такой печальный, огорченный какими-то своими студийными делами. Стал молча у окна и только сказал: «Заспівай, Іван...» И я запел: «Повій, вітре, з України, де покинув я дівчину...»

А вскоре пел я уже над его гробом, обитым украинскими рушниками, и, хотя он не мог меня слышать, я знал, что надо петь...

— Говорят, Вы каждый год бываете у него на родине, в Соснице?

— Не каждый год, но часто. Езжу туда иногда с детским хором. Поем у его старой отцовской хаты. Это ведь нужно не мертвому, а живым, мне самому нужно.

Это и было последнее впечатление, которое я уносила из знаменитого дома на улице Неждановой: чистый и яркий след, который оставляет один человек в душе другого... Когда уходит большой художник из жизни, от него остаются не только картины, книги или ноты. Остается еще одно, бесценное «жизненное» наследие — люди, на которых он влиял непосредственно, которым задал тон жизни — не по мелочам, а по существу.

Помню, несколько лет назад я спросила у Евгения Валерьевича Самойлова, сыгравшего в свое время Шорса, почему современники Довженко с нами-то особым чувством вспоминают именно яблоневые сады, которые он посадил на Московской и Киевской студиях.

— Тут поражает, наверное абсолютное бескорыстие: делал не для славы, не для денег. Я любил смотреть, как работает Довженко на пустыре, особенно слушать, что он при этом говорит. Но, честно говоря, истинного значения его действий я тогда не понимал. И все-таки ничто в жизни даром не проходит. Смешно сказать, а вот даже в своем личном маленьком саду я возился бы сегодня с меньшим наслаждением, если б не довелось видеть, с какой серьезностью напает землю Довженко. Тут ведь были не простые соображения о практической пользе, а целая философия жизни.

Да, тут была философия жизни, была преданность идее.

«Мое имя наше. Вот в чем мировой вопрос», — так формулировали доженковские герои главную проблему своей жизни. Для себя лично он ее решил раз и навсегда. Если и оставалось у него что-либо подчеркнуто «мое», то это: моя страна, мой народ, моя земля, моя эпоха и даже — моя вселенная.

И, значит, моя боль, моя работа, моя личная ответственность...

Для Довженко подобные слова, так же, как идея Земли-сады, не были простой риторикой или поэтической метафорой — но мощным побуждением к деятельности.

И такая уж логика вещей — творить жизнь и искусство по законам своего идеала, Довженко одновременно творил собственную личность, создавал ее, как создают художественное произведение.

И, может быть, это самый удавшийся его замысел, самое законченное и цельное его творение...

Л. ЛЕМЕШЕВА.